

ИВАН КАЛИНИЧЕВ

ДЕВОЧКА ИЗ ШАРА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К17

Калиничев, И.

К17 Девочка из шара/ И. Калиничев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 330 с. — (Проныра).

ISBN 978-5-521-91076-2

Середина XXIII века. Планета-тюрьма Сиротка. Здесь служит простым охранником Вук Обранович по прозвищу «Проныра». Жизнь Проныры была скучна и однообразна, пока на Сиротку не приземлился неопознанный летающий объект в форме шара. Внутри находилась девочка-пришелец.

И тут такое началось! Поединки, погони, схватки с инопланетными монстрами...

Удастся ли Проныре выбраться живым из этого круговорота и разгадать секрет девочки из шара?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91076-2

© Калиничев И., 2023
© Башарина Т., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

I

ГЛАВА, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ СТАТЬ ПОСЛЕДНЕЙ

Человек — занятная зверюга. Один, к примеру, поскользнулся на ровном месте, и — хлоп! — темечком о землю. Был человек — и нет человека. А вот другой получил удар шаровой молнией — и ничего, выжил. Только брови с ресницами выгорели начисто.

Или вот, помню, у нас, в летном училище, был случай. Один курсант заснул на подоконнике пятого этажа, выпал из окна и приземлился лицом на торчащий из земли металлический штырь. Железка пропорола ему челюсть и вышла наружу над самой макушкой. И ничего — живехонек. Нет, само собой, была еще операция и долгий период восстановления, но после больницы он чувствовал себя очень даже неплохо. То и дело хвастался, что у него в роду все такие везучие.

Но везение — штука переменчивая.

Живой пример тому я — Вук Обранович, больше известный как Проньера. Кем я был? Фартовым мошенником и любимцем женщин. А кем стал? Жалким водовозом, вкалывающим за гроши на задворках Вселенной.

Кстати, прямо сейчас, когда мою голову посетили вышеизложенные мысли, в мою грудь направлены два мушкетных дула. Владельцы оружия — пара косматых отморозков — не сводят с меня глаз и свирепо ухмыляются. И все идет к тому, что скоро я стану мертвым водовозом.

Я зажмуриваюсь, и перед моими глазами проносится вся моя жизнь. Ведь именно так случается в предсмертные секунды, не правда ли? Я вижу все то и хорошее, и плохое, что со мной было. Детство, юность, зрелость...

Боюсь ли я смерти? О, нет. Глупо бояться того, что неизбежно. Хотя нет, вру. Меня пугает сам процесс умирания, который может быть долгим и мучительным.

Я отчетливо помню тот день, когда впервые увидел человека, умирающего в тяжелейших страданиях. Этого бедолагу подстрелил Циклоп. Тогда мы несли дежурство на караульной вышке и вдруг увидели какого-то субъекта, который направлялся в нашу сторону. Мужик был явно не в себе. Походу, сильно перебрал с самогонкой. Иначе как объяснить то, что он среди бела дня, в одиночку собирался атаковать наш Форт? На наши предупредительные команды нарушитель никак не реагировал. Шел уверенной пьяной походкой, в руках рогатина, на устах: «Ура!».

В другое время мы бы просто посмеялись над незадачливым воякой, но вышедший из строя дуршлаг, как мы называли силовой купол, защищавший Форт, не способствовал юмористическим проявлениям. На самой верхушке охранного сооружения зияло с десяток дыр, что и давало повод для его сравнения с предметом кухонной утвари. Эти отверстия были заводским браком, и мы не раз обращались к начальству с просьбой об устранении дефектов, но в ответ получали только пустые обещания. А вот теперь купол еще и перестал работать! Наш старший техник Гуччи пообещал вскорости починить генератор, ну а пока мы были в диком напряге.

Циклоп решил произвести предупредительный выстрел, но потерял равновесие и нечаянно попал в нарушителя. Простреленное брюхо неадекватно тут же превратилось в сплошное кровавое месиво, он корчился на земле и визжал, как поросенок, но все никак не умирал. И я вторым выстрелом прекратил его мучения. Труп нарушителя мы скорехонько перенесли на территорию Форта и сожгли. Не хотелось лишний раз получать на-

хлобучку от Коменданта, а иметь дело с собратьями покойного — тем более.

Интересно, что сейчас со мной сделают эти подонки — сразу убьют или сначала от души покуражатся? Сердцем чую, что правильным ответом является вариант два. Достаточно только взглянуть на их оскаленные рожи, чтобы понять: предо мной настоящие отбросы общества, звери в человеческом обличии, которые испытывают кайф от мучений беспомощной жертвы.

А как все-таки было бы хорошо умереть без мучений. Раз — и в дамках!

Но, наверное, надо быть на хорошем счету у Создателя, чтобы отхватить такую привилегию, как быстрая смерть.

Хотя порой меня посещают мысли, что я уже умер и попал в ад. А раз так, то тут должно быть жарко, как в любой нормальной преисподней.

А вот фигушки! За шесть лет прозябания на этой дефективной планете с неблагозвучным названием Сиротка я не помню ни одного теплого дня. Такие слова, как «жарко» или «солнечно», давным-давно покинули мой лексикон. Зато мой словарный запас пополнился десятком-другим определений дождя: морсящий; обложной; недельный хренов ливень; косохлест; полосовой; ливневый со снегом; ситничек; рвущий небеса дождина.

Ненавижу дождь!

Я был рожден для того, чтобы жить в шато в двух шагах от пляжа, круглый год ходить в шортах и есть экзотические фрукты.

Кстати, о еде... Ведь и у самых отпетых негодяев перед казнью есть право на последнюю трапезу. Так чем же я хуже?

Я бы не стал наглеть и вполне бы обошелся банкой тушенки и кружкой свежесваренного крепкого кофе. И чтоб никаких выкрутасов, никаких отвлекающих маневров — только кофе и вода. Разок закипело — и сразу снять с огня. Я жуткий консерватор в том, что касается кофейка. Латте, мокачино, фраппучино и прочие макиато — это не про меня. Пусть такую муру пьют девочки.

Впрочем, вкусы у всех разные и спорить о них бесполезно. Например, наш капеллан отец Никон белил кофе эрзац-сливками, Ксюха предпочитала, как и я, черный, а Гуччи добавлял в напиток несколько капель спирта из своей плоской фляжки.

Кофе в Форте не переводился с тех пор, как корабль снабжения по ошибке доставил нам целый контейнер отменной арабики.

А вот с приличной едой было туго.

Два года назад к нам перестали прилетать корабли снабжения и с тех пор меню в Форте стало несколько однообразным. Коронное блюдо нашего кашевара — размазня, жидкая белково-углеводная каша серенького цвета, заправленная комбизиром. В обычной жизни отвратительный вкус размазни исправил бы самый дешевенький кетчуп. Но и с кетчупом у нас была напряженка.

Мамой клянусь, голыми руками задушил бы того урода, что наполнил наши стратегические кладовые этой несъедобной дрянью!

А еще на Сиротке вечно пасмурное небо. Из-за густой облачности здесь почти не видно звезд. А ведь когда-то я так любил смотреть на звезды. За эти долгие шесть лет я так и не привык к их отсутствию. Как не привык к вечной осени с ее холодами, дождями и ветром.

Привыкают обычно к хорошему. А что хорошего здесь? Жизнь, протекающая в условиях крайнего дискомфорта, вкупе с тягостной изоляцией и другими проблемами. Обрыдлые будни, надоевшие портреты сослуживцев и один и тот же суровый пейзаж: многометровые отвалы пустой породы, именуемые терриконами, и пустоши, заваленные ржавой техникой и мусором, оставленным космостарателями.

Одним словом, дыра.

Мой сослуживец Сапог целиком разделял эту точку зрения. Когда он служил в спецназе, то побывал в самых отдаленных уголках космоса, но именно Сиротка стала для него эталоном захолустья.

— Клянусь, эта планета — самое паршивое место во Вселенной! — говорил Сапог. — Даже на Титане погода лучше, а в трущобах Боготы кормежка во сто крат вкуснее, причем коронное блюдо там — шаурма с крысой.

«Шаурма. Как аппетитно звучит. Сейчас бы не раздумывая съел парочку, пусть даже внутри будет крысиный яд, — внезапно подумалось мне. — Все равно я уже покойник.»

Выходит, соврала та цыганка, которая нагадала, что я проживу до ста лет.

В этом году мне стукнул сорокет. У меня уже есть небольшая плешь на макушке и седина в волосах. По утрам у меня ломит спину и порой саднит в коленях. «Сорок лет — прости, мой век!». Так, кажется, говорят?

А еще говорят: «Где родился, там и пригодился».

Я родился на Земле в середине двадцать третьего века. В школе нас учили, что мы живем в дивном новом мире. В мире постоянных научных открытий и технических достижений. В мире безграничных возможностей, где все хорошо. Ну или почти хорошо...

На уроках истории мы слушали рассказы о разобщенной Земле, поделенной на страны и государства, в которых жили различные народы, у каждого из которых была своя культура и даже свой язык. Все эти страны и народы только и делали, что воевали друг с другом, а те, кто не воевал, готовились к войне. Ну и довоевались в итоге. В конце двадцать первого века одна восточная страна применила против своего врага-соседа тектоническое оружие, что едва не привело к Армагеддону. Бомбардировка недр планеты разбудила десятки вулканов, спровоцировав разрушительные землетрясения и цунами во всех концах света. С лица Земли были снесены сотни городов, миллионы людей погибли. Глобальный катаклизм оставил после себя хаос и разруху, а человечество было отброшено в развитии на сотню лет назад.

В этом месте я, по идее, должен перейти на возвышенный слог и сказать что-то типа: «Но человечество нашло в себе силы объединиться и противостоять угрозе истребления», но скажу

проще: на обломках старого мира возник новый — первое планетарное государство, бесхитростно названное Землей. Столицей нового государства стал Авалон — первый космический город на земной орбите.

Но не все было так радужно: на Земле оставалось все меньше мест, пригодных для жизни, а люди по-прежнему плодились со скоростью кроликов. И тогда мы снова задумались о колонизации других планет. Так началась новая эра — эра покорения космоса.

Человечество шагало семимильными шагами в новые, неизведанные миры. С разной степенью успеха были терраформированы и колонизированы Луна, Марс, Церера, Плутон, спутник Сатурна Титан и спутники Юпитера Ио, Каллисто, Европа и Ганимед.

Короче говоря, будущее наступило.

С молодых ногтей я понимал, что все эти слова про «дивный новый мир», «мир безграничных возможностей» и прочее бла-бла-бла не имеют никакого отношения к действительности. Несмотря на все эти звездолеты и инопланетные колонии, мир остался таким, каким и был прежде. Богатые все продолжали богатеть, а бедные — беднеть.

Особенно это было заметно на Земле: куда ни глянь, повсюду нищета и развал. Кругом свалки, полигоны и заводы, отравляющие воздух ядовитыми выбросами.

Всего на Земле было четыре гигантских мегаполиса, отгороженных от внешнего мира высокими стенами: Москва, Чунцин, Дели и Богота. Тем, кому не хватило в них места, жили в полуразрушенных городах, а вернее будет сказать — пытались выжить. В одном из таких мест я и родился. Наш городишко носил говорящее название Старо-Глушанск. Он был выстроен вокруг завода минеральных удобрений, который и кормил его жителей. Опасное соседство здорово испортило и без того плохую экологию города и ударило по здоровью его жителей. Люди в наших краях дохли как мухи. Поэтому с детства моим

единственным желанием было свалить из Старо-Глушанска ко всем чертям.

Похожие планы когда-то вынашивал и мой батя, но им так и не суждено было сбыться. В прошлом батя был первоклассным механиком, но после несчастного случая на производстве ноги у него отказали, пришлось для передвижений пользоваться инвалидной коляской. Работодатели, само собой, быстренько отказались от его услуг. А скоро случилась еще одна беда: от нас ушла мама. Она завела интрижку с каким-то приезжим и укатила в закат. Эти несчастья подкосили батю и он, как это часто бывает, запил. Мне тогда только исполнилось восемь лет.

Жили мы бедно, но не голодали. Бате полагалась небольшая пенсия, которой нам худо-бедно хватало на кормежку и аренду дешевой квартиры в разваливающемся доме. Канализации у нас не было, а свет давали на полтора-два часа в сутки.

Моим воспитанием батя занимался эпизодически — меня вырастила улица. В двенадцать лет я поступил в «институт имени Воровского» на факультет карманной тяги, и очень скоро понял, что это мое призвание. Несколько раз попадал в полицию, но всегда умудрялся выходить сухим из воды, из-за чего и получил прозвище «Проныра». А в четырнадцать лет меня взяли с поличным на краже в магазине и отправили в специнтернат. Это была самая настоящая тюрьма для подростков. Однако я не отчаялся, как на моем месте сделали бы многие. Отчаяние — это роскошь, которая может убить. А я собирался жить долго и счастливо.

Когда я перешел в выпускной класс, умер батя.

— Погиб при нападении неизвестного с ножом. Наверное, это сделал какой-нибудь грабитель, — так мне сказал завуч.

Выглядело это, мягко говоря, неправдоподобно — деньги у бати долго не залеживались, разве что в тот роковой день он как раз получил пенсию. Я, конечно, погрустил, но недолго. Ведь, как говаривал мой покойный предок: «Мужику не пристало распускать сопли».

Несмотря на то, что я был изрядным хулиганом, учеба давалась мне легко. Интернат я закончил с золотой медалью. Это

позволило мне, сироте-отличнику, поступить без экзаменов в Московское летное училище на бюджетное отделение. С раннего детства я грезил космосом и мечтал стать капитаном звездолета, но директор летки развеял мои юношеские иллюзии, сказав:

— У нас осталось всего лишь одно бюджетное место по специальности «Техник по эксплуатации и обслуживанию систем жизнеобеспечения летательных аппаратов». Звучит не очень, но на кусок хлеба с маслом ты всегда заработаешь.

Поначалу учеба мне нравилась, но бесконечная муштра, палочная дисциплина и холодные казармы быстренько отбили у меня тягу к знаниям. К середине первого курса я был сыт по горло леткой, которая оказалась ничуть не лучше нашего специнтерната. Так что в один прекрасный момент просто свалил из училища, попутно обчистив карманы директора.

Я решил остаться в Москве и снова стал играть за команду «плохих парней». Кем я только не был за свою недолгую, но, без ложной скромности, яркую жизнь — угонщиком, домушником, каталой, впаривал лохам фальшивую ювелирку, просил милостыню, а под конец грабил с подельником дома зажиточных москвичей.

Каждый налет был отработан до мелочей и все у нас шло как по маслу. Заработанные деньги мы инвестировали в секс, алкоголь и волшебные пилюльки. В перерывах между гулянками и налетами я не раз задумывался о том, что пора перестать сорить деньгами и начать откладывать на мечту. А мечтал я о тихой, спокойной жизни на Калисто. Этот спутник Юпитера был славен своими курортами с пляжами, дикой природой и тропическими лесами. Скопив достаточную сумму денег, я бы купил там прибрежную хижину, днями напролет валялся в шезлонге на пляже, пил экзотические коктейли да заводил шурымуры с загорелыми красотками. Но моей мечте не было суждено сбыться...

Во время очередного налета хозяин дома успел нажать тревожную кнопку. Дежурившие неподалеку фараоны моментально приехали на вызов. Моего подельника застрелили при по-